

КАТЕГОРИЯ СОБЫТИЙНОСТИ В ИНТЕРДИСКУРСЕ

Дзюба Е. В.

Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Рябова И. Ю.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

А н н о т а ц и я . В фокусе внимания находится взаимодействие двух социально значимых дискурсов – права и художественного творчества, формирующее единое лингвосоциокультурное пространство – интердискурс. Интердискурс, возникновение которого связано с конкретной историко-правовой коммуникативной ситуацией – транслировать знание из узкоспециальной, закрытой правовой области в широкие круги общественности с целью решения остросоциальных проблем, – находит выражение в художественной картине мира в романе на различных уровнях порождения смысла. Непредсказуемость корреляционных связей в тексте художественного произведения, возникающих на стыке двух полярных дискурсов и требующих динамического «переключения» типа мышления – правового и творческого, предлагается рассматривать с позиции ризома-модели событийной наррации. Данная структурная матрица позволяет сблизить две картины мира в сознании реципиента, проследить дискурсивные трансформации и новые смыслы, обнаружить мультипликативные эффекты, возникающие при исследовании событийного ряда романа. Категория дискурсивной событийности отражает значимые изменения историко-правовой действительности Англии в середине XIX в. (в частности – в сфере деятельности Канцлерского суда) и позволяет судить о цельнооформленности литературного произведения, функционирующего на стыке двух полярных, но в равной степени социально значимых дискурсов. Соединяя воедино разрозненные, удаленные в текстовом пространстве фрагменты, категория событийности способствует моделированию смысловых связей по типу «причина – следствие». Выявленные типы категории дискурсивной событийности (событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция) описывают одно макро-событие – кризис в Канцлерском суде – с разных точек зрения. Благодаря широкому спектру средств художественной выразительности Ч. Диккенсу удается не только создать прототипический образ реальности, но и самому продемонстрировать свое правовое сознание – выступить «человеком говорящим».

К л ю ч е в ы е с л о в а : правовой дискурс; художественный дискурс; интердискурс; нарративные события; нарративные кадры; категория событийности; типы категории событийности; ризома-модель событийной наррации; художественные тексты; романы; английская литература; английские писатели

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дзюба, Е. В. Категория событийности в интердискурсе / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 59–76. – DOI:10.51762/1FK-2022-27-03-05.

CATEGORY OF EVENTFULNESS IN INTERDISCOURSE

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Irina Yu. Ryabova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

Abstract. The paper focuses on the interaction between two socially significant discourses – law discourse and literary discourse, forming a unique linguo-socio-cultural space – interdiscourse. This interdiscourse, the formation of which is associated with a specific historical-legal communicative situation – to transfer knowledge from a highly specialized, closed legal field to the public in order to solve some urgent social problems – is actualized in the artistic worldview in the novel on various levels of meaning generation. Unpredictable correlations in the text of a literary work emerging at the junction of two polar discourses, and requiring dynamic “switching” of the mindset – legal and creative, are suggested to be considered through the rhizome-model of event-driven narration. This structural matrix makes it possible to bring together two worldviews in the recipient’s mind, to trace discursive transformations and new meanings, to detect multiplicative effects arising during studying the series of events in the novel. The category of discursive eventfulness reflects significant changes in the historical-legal reality of England in the mid 19th century (in particular, in Chancery Court) and allows the researcher to evaluate the integrity of a literary work functioning on the borderline between two polar, but equally socially significant discourses. By combining separate fragments separated from one another in the textual space of the novel, the category of eventfulness facilitates the modeling of semantic connections of the “cause – effect” type. The identified types of the category of discursive eventfulness (event-emblem, event-node, event-retrospective, event-interference, event-accumulation) describe one macro-event – the crisis in the Chancery Court – from different points of view. Due to a wide range of literary descriptive means, Ch. Dickens manages not only to create a prototypical image of reality, but also to demonstrate his legal consciousness himself – to act as a “homo linguis”.

Key words: legal discourse; artistic discourse; interdiscourse; narrative events; narrative footage; event category; event category types; rhizome-model of event narration; artistic texts; novels; English literature; English writers

For citation: Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Category of Eventfulness in Interdiscourse. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 3, pp. 59–76. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-03-05.

1. Введение

Продуктивным способом вербализации знаний человека о мире является литературно-художественное творчество, способное проникать в широкие общественные круги и осуществлять гораздо более разностороннее и колоритное воспроизведение жизни, чем другие виды искусства. Универсальным средством построения диалогических отношений между автором и публикой, между представителями разных социальных классов, поколений, возрастов, профессиональных интересов становится язык как неотъемлемый компонент дискурса в процессе становления художественного нарратива как социокультурной практики.

Как замечает И. К. Архипов, дискурсом называются «все до- и послетекстовые процессы, происходящие в сознании» [Архипов 2008: 187]. Концепцию бессознательного (невыведенного, имплицитного) в дискурсе развивают представители французской школы анализа дискурса (М. Пеше, П. Серио, М. Фуко, Э. Бенвенист и др.). П. Серио высказывает мысль о культурной обусловленности любого дискурса и о его связи с интересами и характеристиками конкретного социума, замечая, что «социальные дискурсы... никогда не бывают „невинными“ (простодушными, не ведающими сложности жизни), и любое высказывание

литературного характера... идеологично» [Серио 1999: 21]. Социально обусловленный дискурс становится «культурной памятью» общества, отражает идеологические, нравственные, морально-этические, политические и иные предпосылки его создания. Текст литературного произведения рассматривается как знак, существующий в рамках дискурса и составляющий с ним единое целое.

Разграничивая понятия «текст» и «дискурс», Н. Фэркло отмечает особую природу исследования текста с позиции его дискурсивных признаков: «For critical discourse analysis, analysis of course includes analysis of texts... textual analysis has a dual character. It is firstly interdiscursive analysis, analysis of which discourses, genres and styles are drawn upon in a text and how they are articulated together. This mode of analysis is based on the view that texts can and generally do draw upon and articulate together multiple discourses, multiple genres, and multiple styles. And it is secondly linguistic analysis... The level of interdiscursive analysis is a mediating ‘interlevel’: on the one hand, discourses, genres and styles are realised in the more concrete form of linguistic and multimodal features of texts; on the other hand, discourses, genres and styles are categories not only of textual analysis but also of analysis of orders of discourse, which are the discursal

element or moment of social practices, social organisations and social institutions» / «Для критического дискурс-анализа важен анализ текста, имеющий диадическую природу. Во-первых, он включает интердискурсивный подход, анализ тех дискурсов, жанров и стилей, которые составляют данный текст, а также то, как они сосуществуют рядом. Этот способ анализа основан на представлении о том, что тексты могут и, как правило, используют и объединяют множество дискурсов, множество жанров и стилей. И, во-вторых, лингвистический анализ... Уровень интердискурсивного анализа представляет собой «медиативный элемент» (связующее звено): с одной стороны, дискурсы, жанры и стили реализуются в более конкретной форме лингвистических и мультимодальных особенностей текстов; с другой стороны, дискурсы, жанры и стили являются категориями не только анализа текста, но и анализа порядков дискурса, которые являются дискурсивным элементом или моментом социальных практик, социальных организаций и социальных институтов» [Fairclough 2013: 6–7]. Констатируя факт подвижности границ дискурсов, подчеркнем, что метафоричность человеческого мышления обуславливает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений.

Социально обусловленные дискурсы – права и художественной литературы – способны сосуществовать в одном пространстве, взаимодополняя друг друга. Сложные и многогранные отношения их взаимодействия, в том числе сквозь призму текста, порождают интердискурс. В широком смысле слова интердискурс – дискурс, содержащий «следы окружающих дискурсов», репрезентирующих различные социальные институты, а в узком – это «лингвосоциокультурное пространство дискурсивного характера, в котором порождается и формируется определенный тип дискурса» [Олизько 2009: 79]. Под интердискурсом в нашем исследовании понимается единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке правового и художественного типов дискурса, во многом обусловленное исторической реальностью (социальным вертикальным контекстом).

В свете литературно-художественного творчества, ориентированного на раскры-

тие «злобы дня», под социальным вертикальным контекстом понимается историческая политико-правовая реальность, способствующая созданию идейно-тематического своеобразия произведения, а также профессиональный и жизненный опыт автора-создателя текста, своего рода «строительный материал» для моделирования художественной картины мира, максимально приближенной к реальной жизни [подробнее см.: Дзюба, Рябова 2022a: 69–98]. К ключевым категориям интердискурса, аккумулирующего знание о социально-культурных реалиях прошлого на стыке двух концептуальных областей знания, следует отнести интердискурсивность, интертекстуальность, ситуативность и событийность. Обозначим также, что названным категориям свойственна иерархия. Интердискурсивность как категория глобального уровня эксплицирует потенциал дискурса права и художественного дискурса «пересекаться». Остальные субкатегории выражают частные случаи реализации дискурсивных признаков гетерогенного пространства, в которых взаимодействуют полярные дискурсы. Интертекстуальность становится маркером дискурсивного взаимодействия в текстовом пространстве, актуализируется в цитации (прямой и скрытой), аллюзийно-реминисцентном компоненте, ссылках. Ситуативность сформирована под влиянием исторической действительности, описание которой, подтвержденное в документальной форме, фиксирует аналогичную коммуникативную ситуацию в произведении.

В рамках данного исследования мы обратимся к категории событийности как категории интердискурса, обобщающей и систематизирующей событийный поток в его литературном оформлении. В основу работы положена гипотеза о том, что категория событийности – сложноорганизованный феномен, позволяющий осмыслить событийный ряд, изображаемый в художественном произведении правовой тематики, как цепочку микро-событий, одновременно «включенных» в дискурс права и художественный дискурс. Постулируется мысль о том, что во взаимодействии двух полярных дискурсов рождается новое знание об исторической социально-правовой действительности.

Актуальность предпринятого исследования заключается в описании механизма трансфе-

ра знания между двумя дискурсами сквозь призму текста литературного произведения. Цель и задачи работы заключаются в выделении категории дискурсивной событийности и моделировании структурной матрицы событийной наррации, позволяющей максимально сблизить в сознании реципиента две картины мира – правовую и художественную. Предмет исследования – специфика реализации категории событийности в художественном тексте с юридически значимой проблематикой и особенностями языковой репрезентации каждого ее типа в условиях уникальной формально-содержательной организации текста.

Исследование проводится в рамках двух подходов – когнитивно-дискурсивного (А. А. Кибрик) и семантико-когнитивного (З. Д. Попова, И. А. Стернин) [Кибрик 2003; Попова, Стернин 2007]. Для достижения цели и решения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, таксономический, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (концептуального, контекстуального и структурно-семантического анализа с привлечением более частных методик компонентного, дефиниционного и этимологического анализа). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет выдвинуть гипотезу о функционировании категории дискурсивной событийности в тексте, существующем на стыке двух дискурсов. Таксономический метод дает возможность выделить типы дискурсивной событийности в рамках данной категории. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и коннотации, интегрированные в концептуальное пространство интердискурса. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств выражения в текстовом фрагменте, существующем в интердискурсе. Структурно-семантический метод позволяет проследить изменения значений в слове посредством актуализации его этимологического компонента, выявления категориальных и дифференциальных сем, участвующих в формировании значения слова, а также выявить экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки высказывания на основании его структурно-синтаксической организации.

В качестве материала исследования выбран роман Ч. Диккенса «Холодный дом». Изданное

в 1853 году произведение описывает кризисное положение дел в Канцлерском суде Англии в середине XIX в. На фоне бесконечной тяжбы «Джарндисы против Джарндисов», рассматриваемой Канцлерским судом более полувека, автор создает прототипические образы представителей судебной власти. Переплетение сюжетных линий (юридической, романтической, бытийной) в романе создает предпосылку для глубинного анализа сопряжения элементов разных дискурсов в тексте, а также обобщения результата их (дискурсов) взаимодействия вне текста на когнитивном уровне порождения смысла. В рамках целей и задач исследования выбор произведения обусловлен тем фактом, что событийный ряд романа «Холодный дом» представляет собой сложноорганизованную систему дискретных фрагментов, апеллирующих одновременно к обоим дискурсам.

2. Феномен «нарративное событие» как первооснова событийности в интердискурсе

Установка на событийность является ведущей в процессе изучения художественного нарратива, когда событие как поворотный момент в сюжетной линии становится средством сегментации потока происходящего. В исследовании мы используем термин «нарративное событие» как событие в ткани художественного произведения, наделенное «статусом событийности» [Тюпа 2021: 18]. Оно (событие) рассматривается как «квант событийного опыта, который одно человеческое сознание может раскрыть другому сознанию» [Тюпа 2021: 19]. Событийный ряд, в свою очередь, «последовательно репрезентирует ключевые „места памяти“, „национальные ценности“ и „культурные символы“» [Прошлое для настоящего 2020: 19]. Текст (или совокупность текстов), транслирующий таким способом – сквозь призму осмысления в романной прозе – опыт прошлого, способен обрести статус национально-государственного нарратива, демонстрирующего признаки общей судьбы с позиции социальной истории (область истории, которая смотрит на жизненный опыт прошлого).

Для нарративного события характерны онтологические, прагматические и дискурсивные характеристики. Так, В. И. Тюпа выделяет два онтологических и один прагма-

тический маркер события: сингулярность (беспрецедентная выделенность конфигурации фактов), фрактальность (наличие начала и конца) на онтологическом уровне и интенциональность (смыслообразность происшедшего) – на уровне прагматики [Тюпа 2021: 16]. Фрактально-сингулярная природа события создает условия для очерченности границ повествовательного отрезка, описывающего конкретное событие, – повествовательного (или нарративного) «кадра» [подробнее см.: Лотман 1998: 307]. Нарративный «кадр», по мнению В. И. Тюпа, «возникает вследствие того, что несколько деталей выхватываются из континуального течения жизни и... связываются в единство „картинки“» [Тюпа 2021: 60]. Под нарративным «кадром» понимается текстовый фрагмент, обладающий фрактальностью на синтаксическом, прагматическом и смысловом уровнях текста и репрезентирующий сцепление и взаимодействие смыслов правовой концептуальной области и области эстетически-художественного творчества. Обозначим, что первостепенное значение художественной литературы, изначально задуманной для описания бытийной жизни общества, заключается в эстетическом воздействии на читателя. В создании нарративного «кадра» как элемента художественной картины мира, максимально приближенной к исторической действительности в свете описания правовых реалий (полных хитросплетений и перипетий), прагматический акцент смещается в сторону детализированного, архитектурно и тематически обоснованного описания событий в романе.

С фрактальной природой события тесно связана категория «элементарной последовательности» микро-событий, описываемых в нарративном «кадре», которая фиксирует начальную ситуацию, (не)осуществление действия и результат [подробнее см.: Бремон 1972: 109]. В качестве ключевой дискурсивной характеристики событийной наррации следует обозначить ее клиповый характер. Клиповость наррации не только обобщает фрактально-сингулярную природу события, его структурно-синтаксическую и семантико-тематическую дискретность, прагматическую нагрузку, которую оно (событие) несет в повествовательном «кадре», но и подразумевает

ет возможность дальнейшей генерализации событий в событийном ряду. Это означает установление корреляционных связей между отдельными, фрагментарными, удаленными в текстовом пространстве микро-событиями с целью обобщения и систематизации знания о более глобальном событии. Элементарная последовательность событий немислима без понятия результативности каждого отдельного события. В этой связи достижение результата и наличие последствий, «обладающих либо личностной, либо социальной значимостью», как замечает В. П. Руднев, отражают факт того, что «событие влечет за собой другое событие» [Руднев 2000: 144]. Отметим, что под результативностью события в рамках художественного произведения, нацеленного на изображение социально-правовой картины мира, понимаются и ментальные трансформации персонажей, т. к. «консекutive прозрение и перемена взглядов героев сказываются тем или иным образом на его жизни», что не может не отражаться в нашем исследовании взаимосвязь дискурсов [Шмид 2008: 26].

Другими онтологическими маркерами события в пространстве нарратива являются непредсказуемость и релевантность. В. Шмид отмечает: «Полноценное событие подразумевает ...противоречие „доксе“, т. е. общему мнению, ожиданию...; ...предсказуемое изменение не является событийным» [Шмид 2008: 25–26]. Эффект неожиданности, приписываемый событию, находит отражение в литературном произведении в нарративной интриге, «возбуждающей некие рецептивные ожидания и предполагающей удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения» [Женнет 1998: 30]. Нарративная интрига создает «развилку» альтернативных перспектив развития сюжета.

Определяя нарратив, Е. С. Маслов замечает неоднородность реальности, описываемой в нарративе (в том числе художественном), которая подается автором в аксиологическом ключе, «сквозь призму ценностно окрашенного противоречия» [Маслов 2020: 104]. В то же время автор умозаключает, что «констативы приспособливают слова к миру, а не наоборот» [Маслов 2020: 104]. В художественном произведении, призванном доподлинно изобразить правовую реальность, присутствует и цен-

ностный компонент, а именно отношение автора к описываемому. Событие (представленное нарративным событием) как элемент уже лингвосоциокультурного пространства – интердискурса – приобретает двойственную природу – социально-историческую и прагматико-аксиологическую. С одной стороны, становится возможным оценить значимость правового события для страны сквозь время и пространство. С другой, находясь в «гуще» событий, автор делится собственным опытом, который становится заменой личному опыту читателя-реципиента.

Феномен «событие» в интердискурсе понимается как значимое изменение в состоянии социально-правовой реальности, получившее художественно-образную обработку в литературном произведении и реализованное на идейно-тематическом уровне в нарративном событии, на текстовом – в нарративном «кадре». Нарративное событие характеризуется интенциональностью, аксиологическим компонентом, фрактально-сингулярной природой, непредсказуемостью, релевантностью, результативностью и способностью включаться в последовательность событий, создавая клиповый строй наррации. Нарративному «кадру» свойственны очерченность границ на синтаксическом уровне и семантико-лексическая завершенность. Нарративное событие становится структурно-содержательной единицей дискурсивной событийности.

3. Категория дискурсивной событийности сквозь призму ризома-модели событийной наррации

Нарративное пространство текста как продукт интердискурса, по мысли Н. А. Шехтман, можно сравнить с «незамкнутостью лабиринта», в котором «все фрагменты равноправны и равноценны...», а «комбинирование традиционных элементов сочетается с новыми, обычного с неожиданным» [Шехтман 2014: 102]. Непредсказуемость дискурсивных трансформаций, возникающих на стыке двух полярных концептуальных областей, объясняется готовностью данных дискурсов к взаимодействию и взаимообогащению. На текстовом уровне в силу клипового строя событийной наррации, присутствия нарративной интриги, эффекта неожиданности процесс такого смещения дис-

курсов сопровождается тенденцией их развития в разных направлениях, продуцируя мультипликативные эффекты и обеспечивая максимальную включенность реципиента в процесс смыслопроизводства. Структура и дискурсивные признаки текста, функционирующего в интердискурсе, оказываются детерминированными признаками ризома – понятия философии постмодерна, введенного в научное пространство французским философом Ж. Делезом и психотерапевтом Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 1976].

В рамках лингвистического исследования важно очертить границы понятия «ризома», выяснить возможные альтернативы его функционирования в литературном произведении, отметить принципы и способы организации такой формы «меж-бытия» (термин Ж. Делеза, Ф. Гваттари) [Делез, Гваттари 1976: 34]. А. В. Дьяков выделяет следующие характерные черты ризома: «...принципы 1) соединения и 2) гетерогенности: всякая точка ризома может присоединяться к любой другой; 3) принцип множественности: никакого отношения к Одному как субъекту или объекту; 4) принцип А-означающего разрыва: ризома может быть разрушена в каком-то месте, однако она возобновляется, следуя той или иной линии; принцип 5) картографии и 6) декалькомании: ризома не отвечает ни за структурную, ни за порождающую модели, всякая идея генетической оси ей чужда» [Дьяков 2012: 190].

«А-означающий разрыв», ключевой для нашего исследования, имитирует ответвление множества нитей смысла из одной общей точки, где вертикальная линия (перекладина) в орфографическом знаке «А» означает, что «коммуникация осуществляется от одного соседа к какому-то еще соседу» [Делез, Гваттари 1976: 23]. По замечаниям Л. Н. Синельниковой, «имитация спонтанности, переход с одной линии движения мысли на другую, смещение центра и периферии производят впечатление смыслового хаоса...» [Синельникова 2017: 809]. Но в итоге «в пространстве ризоматической дискурсивной среды происходит умножение реальности, возникают нестандартные ассоциативные связи, формируются мультипликативные эффекты, порождающие новые смыслы» [Синельникова 2017: 805]. Так, Н. С. Олизько, разрабатывая модели фрактальной самоорга-

низации художественного дискурса, взаимодействующего с другими дискурсами, замечает, что «упорядочивание указанных отношений осуществляется в соответствии с такой фрактальной моделью, как ризома...» [Олизько 2009: 10].

Принцип «А-означающего разрыва» лежит в основе тематической и синтаксической «раздробленности» текста. На уровне идейно-тематического своеобразия романа (текстового фрагмента или комплекса текстовых фрагментов, объединенных в один событийный ряд) «лоскутность» / «мозаичность» повествования создает условия для конфигурации новых образов. Переключение между языковыми и культурными кодами двух дискурсов осуществляется за счет включения в ткань художественного произведения языковых маркеров юридического дискурса (юридической терминологии, элементов официально-делового стиля, компонентов правового ораторского дискурса и др.). Как замечает В. Е. Чернявская, «это означает, что воспринимающее сознание „переключается“ в иное ментальное пространство и начинает „работать“ с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке интерпретации данного в тексте содержания» [Чернявская 2004: 106–111]. В процессе экспликации смыслов в литературном произведении реципиент задействует творческое мышление (метафорическое и ассоциативно-образное), языковую интуицию, фоновые знания. Переключение между двумя типами мышления – правовым и творческим – отражает сущность сложных когнитивных процессов человека, вовлеченного в два дискурса посредством художественного произведения. На структурно-синтаксическом уровне текста, функционирующего в интердискурсе, принцип «А-означающего разрыва» предполагает перебивку повествовательных ракурсов (например, повествование ведется от двух лиц – автора и одного из персонажей). Значимый для социальных дискурсов трансфер знания между сознанием профессионала (человека, обладающего прежде всего правовым типом мышления) и непрофессионала (человека, обладающего только творческим типом мышления) не исключает, таким образом, существование множественности точек зрения на правовую реальность, в зависимости от индивидуальных когнитивных процессов реципиента.

Ризома-модель событийной наррации – структурная матрица событийного ряда, построенная на принципах фрагментарности, разрозненности vs. сцепления, ветвления и единства и позволяющая генерировать новые смыслы. Такие дискурсивные характеристики текста, как нелинейность, разветвленность, непредсказуемость и кумулятивность, становятся признаками ризома-модели событийной наррации. Под кумулятивностью понимается нарастание интенсивности однородных событийных эпизодов, завершающееся некоторым пуантом; по замечаниям В. Я. Проппа, это то «нагромождение или нарастание, которое кончается [...] катастрофой» [Пропп 1976: 243].

Событийность интердискурса – одна из ключевых категорий данного дискурса, отражающая взаимосвязь явлений правовой сферы и фактов социально-культурной, обыденной и ментальной жизни общества. Категория дискурсивной событийности, рассмотренная сквозь призму ризома-модели, позволяет судить о цельнооформленности романа как в идейно-тематическом, так и структурно-синтаксическом плане. Индивидуально-авторская задумка показать процессуальную сторону событийного потока, имеющего место в реальной жизни, соединяет воедино разрозненные, удаленные в текстовом пространстве фрагменты и позволяет реципиенту моделировать связи по типу «причина – следствие», т. к. «в пространстве художественного произведения... мы наблюдаем динамику развития ситуации, заключающуюся в детализации ее описания» [Дзюба, Рябова, 2022б: 433–454].

Ризома-модель событийной наррации приобретает особую функциональную значимость для исследования интердискурса. Во-первых, аккумуляция различного рода знания о событиях, значимых для правового и художественного дискурсов, способствует сближению правовой и художественной картин мира в сознании реципиента. Во-вторых, данная структурная матрица позволяет вскрыть «имплицитное, не-высказанное», то, что, по замечаниям М. Пеше и П. Серио, является «составным во всем дискурсе», неотъемлемым компонентом каждого отдельного дискурса в пространстве интердискурса и незримым условием их продуктивного взаимообогащения [Серио 1999: 36].

4. Типы нарративных событий и их языковая репрезентация (на материале романа Ч. Диккенса «Холодный дом»)

4.1. Событие-эмблема

Все типы нарративных событий, формирующие событийные ряды в динамично развивающейся среде интердискурса, обретают определенную специфику в процессе реализации своего прагматико-аксиологического, социокультурного и лингвокогнитивного потенциала в романе. Можно рассматривать такие типы нарративных событий: событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция. Условно их следует разделить на две группы: 1) события-пуанты, кульминационные точки развития событийности (событие-эмблема, событие-кумуляция); 2) события-цепочки, промежуточные стадии в событийном ряду (событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция).

Событие-эмблема фиксирует событие в повествовательном тексте как обобщенный аксиологически заряженный (эмблематический, символический) образ исторической эпохи. На иконическом уровне слово в нарративном «кадре», описывающем событие-эмблему, нацелено на создание объемного, запоминающегося, целостного образа объекта исторической реальности. Событие-эмблема становится кульминационным «квантом» знания, обличающим несовершенство социально-правовой действительности на глобальном уровне текста.

В сатирическом контексте событие-эмблема способно охарактеризовать и выявить причину колоссального масштаба кризиса в стране: «*Then there is my Lord **Boodle**, of considerable reputation with his party, who has known what office is and... he really does not see to what the present age is tending... the limited choice of the Crown, in the formation of a new ministry, would lie between Lord Coodle and Sir Thomas **Doodle**... Then, giving the Home Department and the leadership of the House of Commons to Joodle, the Exchequer to Koodle, the Colonies to Loodle, and the Foreign Office to Moodle, what are you to do with **Noodle**? You can't offer him the Presidency of the Council; that is reserved for **Poodle**... What follows? That the country is shipwrecked, lost, and gone to pieces (as is made manifest to the patriotism of Sir Leicester Dedlock) because you can't provide for*

Noodle!» [Dickens 2018: 224–225] / «Здесь гостит и милорд **Будл**, который считается одним из самых видных членов своей партии, который изведет, что такое государственная служба, и... он решительно не понимает, куда идет наш век... у Короны при формировании нового Министерства будет ограниченный выбор, – только между лордом Кудлом и сэром Томасом **Дудлом**... Итак, если предложить Министерство внутренних дел и пост Председателя палаты общин Джудлу, Министерство финансов Кудлу, Министерство колоний Лудлу, а Министерство иностранных дел Мудлу, куда же тогда девать **Нудла**? Пост Председателя Тайного совета ему предложить нельзя – он обещан **Пудлу**... Что же из этого следует? Что страна потерпела крушение, погибла, рассыпалась в прах (а это ясно, как день, патриотическому уму сэра Лестера Дедлока) из-за того, что никак не удастся устроить Нудла!» [Диккенс 1960: 212–213].

В текстовом фрагменте онимы («говорящие имена») составляют основу частного случая лудической (игровой) языковой деятельности (*pun – play on words*) – каламбура, созданного посредством созвучия рифмы и семантического наполнения конфликтогенной природы. Дефиниционный анализ высвечивает характер действий политических деятелей: **Poodle**: (Brit.) ‘a person or organization who is overly willing to obey another’ / Пудл: ‘человек, желающий безмерно подчиняться другому’; **Boodle**: ‘money, especially that gained or spent illegally or improperly’ / Будл: ‘денежные средства, особенно полученные или потраченные незаконно или ненадлежащим образом’; **Noodle**: ‘a stupid or silly person’ / Нудл: ‘глупый человек’. В имени **Doodle** актуализирован этимологический компонент слова: ‘(early 17th cent.) originally as a noun denoting a fool, later as a verb in the sense ‘make a fool of, cheat’)’ / ‘(начало 17 в.) первоначально как существительное, обозначающее дурака, позже как глагол в смысле «дурачить, обманывать»)» [АВВУУ Lingvo 6]. Как замечает А. А. Щербина, «каламбур по своей семантической природе – оружие смеха во всех его формах и оттенках, а смех... – это весьма действенное оружие обличения» [Щербина 1958: 6].

Существенным критерием «каламбурной остроты» является «игра звучания», создающая особую ритмомелодику нарративного «кадра» [Щербина 1958: 21]. Нарочитое сближение имен на фонетическом уровне основано на па-

рономазии. Звонкое слово каламбура в романе, не лишенном признаков драматургии, обличает коррупционность политической и правовой системы, продажность ее субъектов. На примере одной партии автор приводит пример того, как реализуются политико-правовые отношения в масштабах целой страны. Каламбур здесь становится словесным оружием в идеологической борьбе за права человека и честное мироустройство в правовой и политической сферах.

Полемический ракурс настоящего фрагмента моделируется за счет риторических вопросов, на которые автор дает однозначные ответы. Кроме того, Ч. Диккенс, по замечаниям В. В. Набокова, «взращивает роскошное прилагательное, или глагол, или существительное как эпитет, ...из которого поднимется цветущая и раскидистая метафора» [Набоков 1998: 173]. Метафора, как отмечает Э. В. Будаев, является «разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции» [Будаев 2020: 100]. Широко распространенная в политической метафорологии метафорическая модель «государство – корабль» обладает богатым интерпретационным потенциалом, фиксируя в концепте государства компоненты власти, подчинения, единства и компоненты движения и мощи в концепте корабля – крупного морского судна. Структурно-синтаксическая специфика словосочетания *is shipwrecked / потерпела крушение* (пассивный залог) имплицитно означает значение утонувшего корабля, но спасшегося экипажа (т. е. страна гибнет, а верхушка, т. н. элита политической и правовой системы, остается «на плаву»): *'If someone is shipwrecked, their ship is destroyed in an accident at sea but they survive and manage to reach land / Если кто-то терпит кораблекрушение, его корабль разрушается в результате несчастного случая в море, но он выживает и ему удается добраться до суши'* [АВВУУ Lingvo 6].

Формально-содержательная организация рассмотренного текстового фрагмента, реализованная посредством каламбура, метафоры, набора синтаксических средств (риторические восклицания и вопросы, уточняющая конструкция с ироническим замечанием в скобках), позволяет автору не только разоблачить политико-правовое устройство, но и транслировать личную убежденность в коррупционных действиях политических деятелей. Автор

наглядно демонстрирует свое правовое мышление: он выступает «человеком говорящим». М. М. Бахтин подчеркивает: «Все существеннейшие категории этического и правового суждения и оценки относятся именно к говорящему человеку, как к таковому: совесть, правда и ложь, ответственность, право голоса и проч. Самостоятельное, ответственное и действенное слово – существенный признак этического, правового и политического человека» [Бахтин 2012: 104–105]. Использование языковых средств художественной выразительности для реализации правового типа мышления находится в плоскости функционирования ризоматной модели событийной наррации. Событие «кризис в стране» смоделировано с позиций морально-нравственных потребностей «человека говорящего» и его правового сознания.

4.2. Событие-узел

Следующий тип события репрезентирует одно из ключевых событий в юридической сюжетной линии, обладающее значимым результатом для событийного ряда. Назовем его условно «событие-узел». Вслед за Е. Г. Хомяковой и А. Л. Севастьяновой, чей исследовательский интерес обращен к прагмалингвистическому аспекту ценностно-событийного дискурса, обозначим положение, что на текстовом уровне событийная дискурсивная позиция обладает предикатно-аргументной структурой, куда «входят аргументы, среди которых пространственно-временные маркеры, событийные каузаторы и результатов занимают особое место» [Севастьянова 2018: 27]. Аргументатив обосновывает необходимость микро-события в событийной цепи, включающей такие звенья, как пресобытие – эндособытие – постсобытие [подробнее см.: Шабес 1989: 130]. В динамически развивающейся среде интердискурса событие-эмблема и событие-узел зачастую тематически тесно связаны между собой.

Рассмотрим событие-узел на примере опыта обращения мистера Гридли в Канцлерский суд. Здесь присутствуют маркеры событийного повествования – аргументатив, результатив и пространственно-временные показатели: *«After my mother's death, all was to come to me except a legacy of three hundred pounds that I was then to pay my brother. My mother died. My brother some time afterwards claimed his legacy... To settle that ques-*

tion... *I was obliged to go into this accursed Chancery; I was forced there because the law forced me... Seventeen people were made defendants to that simple suit! It first came on after two years. It was then stopped for another two years while the master (may his head rot off!) inquired whether I was my father's son... He then found out that there were not defendants enough – remember, there were only seventeen as yet! ...The suit, still undecided, has fallen into rack, and ruin, and despair... and here I stand this day... being unjustly treated by this monstrous system... The system! I am told on all hands, it's the system. I mustn't look to individuals. It's the system...» [Dickens 2018: 296–298]. «После смерти матери все должно было перейти ко мне, кроме трехсот фунтов денегами, я обязан был уплатить брату. Мать умерла. Прошло сколько-то времени, и брат потребовал заветанные ему деньги... Чтобы разрешить спор... Я был вынужден судиться там – меня закон вынудил, и больше мне податься некуда. К этой немудреной тяжбе притянули семнадцать ответчиков! В первый раз дело слушали только через два года после подачи иска. Слушание отложили, и потом еще два года референт (чтоб ему головы не сносить!) наводил справки, правда ли, что я сын своего отца... Но вот он решил, что ответчиков мало, – вспомните, ведь их было только семнадцать! ...Из этой тяжбы – а она все еще не решена – только и вышло, что разоренье, да нищета, да горе горькое... вот в какую беду я попал!... безвинно пострадавшим от этой чудовищной системы... – Опять система! Мне со всех сторон твердят, что вся причина в системе. Не надо, мол, обвинять отдельных личностей. Вся беда в системе» [Диккенс 1960: 282–283].*

Аргументатив в данном контексте, содержание представленный необходимостью обращения в судебную инстанцию в качестве единственно возможного способа решения юридического вопроса, репрезентируется с помощью семантических структур, эксплицирующих силу принуждения: «*I was obliged*» / «обязан был», «*I was forced*» / «был вынужден». Результат – «*being unjustly treated*» / «невинно пострадавшим» – сопровождается объяснением первопричины посредством описательной конструкции – «*by this monstrous system*» / «от этой чудовищной системы», где в эпитете «*monstrous*» / «чудовищная» звучит тема абсурдного, бесчеловечного отношения к тяжущимся. Объяснительным потенциалом обладает и лексический повтор

«*it is the system*» / «система». Прагмалингвистический аспект высказывания реализуется в эмоционально-экспрессивной окраске нарративного события. Семантика мучения, разрушения, утраты надежды, заключенная соответственно в словах «*rack*» / «разорение», «*ruin*» / «нищета», «*despair*» / «горе горькое», подчеркивает драматизм происходящего в Канцлерском суде.

С точки зрения структурно-синтаксической организации нарративного «кадра» эмфатическим потенциалом обладает указание на систему как «взаимосвязанную сеть», имплицитно обличающую характер взаимоотношений как в судопроизводстве, так и в целом в политическом устройстве: *system* – «*an interconnecting network*» / система – «взаимосвязанная сеть» [АВВУЮ Lingvo 6]. Как замечает В. И. Тюпа, «расположение деталей в пределах кадрового единства фразы устанавливает задаваемый читателю ракурс видения. В частности, специфика кадропорождающих возможностей речи такова, что „крупный план“ ментального видения создается местоположением семантических единиц текста в начале или, особенно, в конце фразы» [Тюпа 2021: 59].

Ремарки, заключенные в рамочных конструкциях (это авторский прием Ч. Диккенса вводить интертекстуальный компонент, т. е. «смешивать» фактуальную информацию – заимствованную из официально-документальных источников или диктуемую личным жизненным опытом – со своим авторским отношением к происходящему), становятся эмоционально «заряженным» ядром событийного повествования [подробнее см.: Дзюба, Рябова 2021: 69–98]. Поданные с искрометным юмором и язвительной насмешкой, такого рода «приложения» к описанию событийного ряда содержат аксиологический компонент, выражая дополнительную экспрессию («*remember, there were only seventeen as yet!*» / «вспомните, ведь их было только семнадцать», «*may his head rot off!*» / «чтоб ему головы не сносить!»). Обозначая результатив («*and here I stand this day!*» / «вот в какую беду я попал!»), они также зачастую завершаются на графическом уровне текста восклицательным знаком – знаком эмоциональной модальности. Значимость восклицательного знака в экспликации смысла как социально значимого элемента дискурса следует рассмотреть с позиции

этимологии слова *exclaim* (восклицательный знак – англ. *exclamatory mark*). «Exclamation» восходит к латинскому *'ex-clāmāre'* – ‘выкрикивать’ (*cry, call, proclaim* – кричать, звать, призывать) [Hoad 1996: 78] и в данном контексте выражает не только сильные чувства, но и призыв чиновников и представителей судебной власти к действию – проведению реформ в правовой сфере.

В динамически развивающейся среде интердискурса предикатно-аргументная структура высказывания, описывающего событие-узел, совместно с выраженным в контексте аксиологическим, прагматическим и лексико-семантическим наполнением детализирует причинно-следственные связи между явлениями правовой реальности Англии в середине XIX века и отношением социума к данным реалиям в общем событийном потоке происходящего. В этом смысле текст, функционирующий на стыке двух дискурсов, способен провоцировать политически, а значит, и культурно значимые изменения.

4.3. Событие-ретроспектива

Особенностью феномена события-ретроспективы является расширение пространственно-временных рамок в нарративном «кадре», сопровождающееся выстраиванием в определенный временной ряд фактических данных об изменениях состояния объекта или субъекта действительности. Такого рода реминисцентный посыл не только фиксирует цепочку значимых микро-событий в настоящем как следствие некоторых событий прошлого, но и позволяет получить новое знание о природе человека, вовлеченного в судебный процесс.

Обратимся к моменту «встречи» мистера Гридли с Канцлерским судом: «*Here was this Mr. Gridley, a man of a robust will and surprising energy – intellectually speaking, a sort of inharmonious blacksmith – and he could easily imagine that there Gridley was, years ago, wandering about in life for something to expend his superfluous combativeness upon – a sort of Young Love among the thorns – when the Court of Chancery came in his way and accommodated him with the exact thing he wanted. There they were, matched, ever afterwards!*» [Dickens 2018: 299–300] / «Вот, например, мистер Гридли, человек с сильной волей и поразительной энергией, – в интеллектуальном отношении нечто вроде „Невеселого кузнеца“. Ведь он, мистер Скимпол, легко

представляет себе, что много лет назад Гридли блуждал по жизни, ища, на что бы потратить избыток своего задора – как Юная Любовь блуждает среди шипов в жажде борьбы с препятствиями, – но вдруг на дороге у него стал Канцлерский суд и дал ему как раз то, чего он желал. И вот они соединены навеки!» [Диккенс 1960: 284–285]. Сравнение мистера Гридли с **невеселым** кузнецом построено на противопоставлении с героем музыкального произведения Г. Ф. Генделя «**Веселый** кузнец». Автор намеренно создает «палимпсестную» нарративную ткань, «когда сквозь одну рассказываемую историю конструктивно просматривается другая», создающая значимые смысловые напряжения... [Тюпа 2021: 167]. Музыка Г. Ф. Генделя наполнена динамизмом: «не только могучая и безудержная энергия, но и глубина, и мудрость, и высоты внутренних созерцаний были доступны Генделю...» [Мещеринов. URL]. Образ живого, любопытного, деятельного, стремящегося к интеллектуальному развитию героя музыкального произведения противопоставлен человеку «блуждающему», но энергичному, ищущему «на что потратить избыток своего задора».

Наряду с приемом антитезы используется прием, в котором, по замечанию В. В. Набокова, Ч. Диккенсу удивительным образом удается «объединить метафору и сравнение» [Набоков 1998: 172]. Мистер Гридли (от англ. *greedy* – ‘жадный’) – типический герой, олицетворяющий класс буржуазии в историческую эпоху середины XIX в. в Англии. Автор проводит параллель между характерными чертами Канцлерского суда и представителями знати посредством слова *match*: ‘*a person or thing that resembles or corresponds to another; correspond – have a close similarity*’ [ABBYY Lingvo 6]. Такого рода концептуальная интеграция на стыке двух дискурсов позволяет сделать умозаключение о существовании разных целевых установок тяжущихся в Канцлерском суде. Участники судебного процесса ранжируются: средний класс, ищущий возможность отстоять права и независимость – с одной стороны, и буржуазия, стремящаяся сохранить или приумножить доходы, – с другой стороны.

Ключевой онтологической характеристикой события-ретроспективы становится исходное положение (мировосприятие) субъекта действительности по отношению к важно-

му событию: «*years ago he was wandering about in life*» / «много лет назад он блуждал» – «*the Court of Chancery came in his way*» / «на дороге стал Канцлерский суд». Автор акцентирует внимание на образе жизни и привычках героя в прошлом, вводя информацию о тщетности его времяпрепровождения, что и явилось определенной предпосылкой для непосредственного события – встречи с Канцлерским судом. Прошлое становится объяснением не только ситуации в настоящем, но и «предсказанием» будущего – «*were matched ever afterwards*» / «соединены навеки» – предположением того, что трясина суда навсегда меняет (трансформирует) внутренний и эмоциональный мир человека или в данном случае (жадный Gridly – англ. greedy) прочно закрепляет желание героя приумножить свое богатство.

Немаловажную роль в интерпретации события-ретроспективы играет взаимодействие с другими героями в текстовом фрагменте на уровне фабульно-сюжетного построения романа. Мистер Скимпол изображен «человеком думающим» – он **легко представляет себе, что Гридли блуждал по жизни** – а значит, обладающим аналитическим умом, наблюдательностью, рассудительностью и необходимым для подобных умозаключений жизненным опытом. Перебивка повествовательных ракурсов (автор – мистер Скимпол) как прием в рамках ризома-модели событийной наррации позволяет оценить качества характера одного человека через отношение к нему другого. Ключевым признаком социально значимого вида действия в процессе взаимодействия людей становится позиция «человека думающего» как необходимого условия адекватной оценки прошлого, ведущего к определенному будущему.

4.4. Событие-интерференция

На когнитивном уровне восприятия текста данный тип события реализует тему борьбы двух дискурсов – правового и художественного, заключенной в одном нарративном кадре. Основываясь на теории дискурса, предложенной Э. Лакло и Ш. Муфф, Л. Филипс и М. Йоргенсен замечают, что «различные дискурсы – каждый из которых представляет особый способ общения и понимания социального мира, – вовлечены в постоянную борьбу за достижение превосходства в том, чтобы зафиксировать свое значение в языке...» [Филипс, Йоргенсен

2004: 22]. На текстовом уровне борьба дискурсов проявляется в парадоксальном сосуществовании в одном нарративном кадре (словосочетании, сверхфразовом единстве) языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста, вызывающем семантический конфликт. По мнению З. А. Заврумова, «анализ таких нестандартных употреблений позволяет не только установить креативный потенциал текста, но и выявить периферийные значения слов» и нетривиальные смыслы, возникающие на стыке дискурсов [Заврумов 2015: 150–154].

Аспект событийности представлен в данном типе нарративного события с позиции неожиданного действия в романе – непредсказуемого ветвления смысла (от англ. interfere – вмешиваться). Событие-интерференция становится отправной точкой для развития в последующих контекстах вновь проявленной темы – например, темы влияния судопроизводства в Канцлерском суде на судьбы детей.

Обратимся к иллюстрации данного положения на примере встречи Эстер, мисс Саммерсон – осиротевшей девочки (по мнению общества, однако при живой матери – великосветской миссис Дедлок, которая отказалась от нее при рождении), с мисс Флайт, «полоумной старушонкой, что не вылезает из суда» в ожидании решения по своему делу: «*“Who’s this, Miss Summerson?” whispered Miss Jellyby, drawing my arm tighter through her own. The little old lady’s hearing was remarkably quick. She answered for herself directly. “A suitor, my child. At your service. I have the honour to attend court regularly. With my documents. Have I the pleasure of addressing another of the youthful parties in Jarndyce?” said the old lady...*» [Dickens 2018: 73–74] / «„Кто это, мисс Саммерсон?“ – прошептала мисс Джеллиби, крепче прижимая к себе мой локоть. Слух у старушки был поразительно острый. Она сию же секунду сама ответила вместо меня: – **Истица, дитя мое. К вашим услугам. Я имею честь регулярно присутствовать в суде. Со своими документами. Не имею ли я удовольствия разговаривать еще с одной юной участницей тяжбы Джарндисов? – проговорила старушка...**» [Диккенс 1960: 71–72].

Наглядным примером антиномического смешения элементов правового ораторского и бытового дискурса (диалогического общения между хорошо знакомыми людьми) становит-

ся включение в речь элементов официально-делового стиля (*имею честь, участница тяжбы*) и разговорного стиля (обращения *дитя мое* и риторического вопроса *не имею ли я удовольствия разговаривать...*). Представляясь истицей в диалоге с подростком, мисс Флайт уверена, что Эстер – «еще одна участница тяжбы» – понимает суть данной номинации. Посредством приемов стиливого смешения в процессе презентации коммуникативного концепта в речах персонажей автору удается передать абсурдный и одновременно масштабный характер проникновения в жизнь и судьбы взрослых и детей правовых реалий.

С позиции горизонтального контекста, примыкающего к нарративному кадру, отметим частотность обращения к мисс Флайт посредством указания на ее зрелый возраст («старушка», «полоумная старушка», «та самая старушка», «маленькая старушка» и др.). Значение «юная» в данном контексте модифицируется – не только молодая, но и неопытная в судебных делах. П. Арчер не без иронии замечает следующее: «К началу XIX столетия тяжущийся, чтобы дожить до окончания своего процесса, начатого в Суде канцлера, должен был предварительно запастись здоровьем и достаточными средствами. Описания Диккенса очень злы, но они едва ли далеки от действительности...» [Арчер 1959: 52–53]. Сквозь призму описания судебного процесса, вовлекающего детей, пожилых людей и на который может быть положена целая жизнь, Ч. Диккенс поднимает в романе тему абсолютных неприкосновенных человеческих ценностей – право человека на детство и достойную старость.

4.5. Событие-кумуляция

Событие-кумуляция позволяет рассмотреть объект исторической действительности с разных сторон, выявить его константные концептуальные признаки. По замечаниям Н. Ю. Петровой, эффект полиперспективы события «наращивает прагматический потенциал высказывания» [Петрова 2017: 26]. В данном исследовании прием полиперспективы подразумевает обращение к коннотативному наполнению высказывания и к описанию внешних проявлений действительности, связанных с рассматриваемым объектом: природы, облика персонажей, деталей одежды, условий быта и т. д. Так, пейзаж как неотъ-

емляемая часть идейно-тематического своеобразия романа призван обнажить скрытые, завуалированные стороны судопроизводства. Событие-кумуляция обобщает результат взаимодействия скрытых и явных смыслов в тексте романа.

В романе Ч. Диккенса «Холодный дом» устойчивой является тема «Туманного Альбиона», которому свойственны слякоть, грязь, трясина. Номинации этих природных явлений виртуозно вплетаются автором в повествование для создания прототипического образа реального тумана (в художественной картине мира) и одновременно метафорического образа правовой исторической действительности. Символическая пейзажная зарисовка в текстовом пространстве романа апеллирует к обоим дискурсам – правовому и художественному.

Обратимся к началу романа: *«Implacable November weather. As much mud in the streets as if the waters had but newly retired from the face of the earth, and it would not be wonderful to meet a Megalosaurus, forty feet long or so, waddling like an elephantine lizard up Holborn Hill... Dogs, undistinguishable in mire... tens of thousands of other foot passengers have been slipping and sliding... Fog everywhere. Fog up the river... Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights. Fog creeping into the cabooses of collier-brigs... Never can there come fog too thick, never can there come mud and mire too deep, to assort with the groping and floundering condition which this High Court of Chancery, most pestilent of hoary sinners, holds this day in the sight of heaven and earth... Thus, in the midst of the mud and at the heart of the fog, sits the Lord High Chancellor in his High Court of Chancery. –“Mlud,” says Mr. Tangle...»* [Dickens 2018: 8–14] / «Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился. Собаки так вымазались в грязи, что их и не разглядишь... десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться... Туман везде. Туман в верховьях Темзы... Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях... И в самом непроглядном тумане и в самой глубокой грязи и трясине невозможно так заплутаться и так увязнуть, как ныне плутает и вязнет перед лицом земли и неба Верховный Канцлерский суд, этот зловеднейший из старых грешни-

ков... Так в самой гуще грязи и в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде... – М'лорд? – отзывается мистер Тенгл...» [Диккенс 1960: 11–17].

Упоминание мегалозавра – первого динозавра, останки которого были найдены на территории Англии миллионы лет назад, – фокусирует внимание на том, что ничего не способно удивить человека, столкнувшегося с судопроизводством в Канцлерском суде. Бытийное общение в рамках художественного дискурса модифицирует механизмы восприятия информации, далекой от желаемой или приятной. Л. Хун замечает следующее: «Восприятие политических идей (в том числе идей правовой сферы – выделено нами, Е. В., И. Ю.), высказанных в условиях художественного дискурса, развивается на основе иных психологических механизмов... формальная сторона художественного текста сама по себе, как правило, не является источником отрицательной психологической реакции адресата...» [Хун 2017: 31–41]. Поэтому отметим, что художественный текст способен сгладить восприятие нелицеприятной информации о былой исторической действительности.

В самом сердце тумана, в гуще грязи сам Милорд превращается в *Mud* ('грязь'), «если мы чуть исправим косноязычие юриста (мистера Тенгла): *My Lord, Mlud, Mud*», и «это характерный диккенсовский прием: словесная игра, заставляющая неодушевленные слова не только жить, но и проделывать фокусы, обнажая свой непосредственный смысл» [Набоков 1998: 111]. Анафора со словом *fog* акцентирует внимание на всепоглощающем состоянии природы и суда: туман окутывает абсолютно все («*fog everywhere*»).

Отличительной особенностью события-кумуляции, помимо включения в смысловое пространство текста дополнительных коннотаций, формируемых пейзажными (или иными) зарисовками, является концептуальная интеграция смыслов с учетом пролонгированного горизонтального контекста. В соседнем нарративном кадре, подчиненном той же теме «туманного Альбиона», что и предыдущий текстовый фрагмент, автор делает акцент на «туманности» действий юристов Канцлерского суда: Чизле, Мизле и Дригле (Ч. Диккенс использует в именах, как замечает В. В. Набоков,

«зловещую аллитерацию» [Набоков 1998: 111]), ср.: «*Chizzle, Mizzle, and otherwise have lapsed into a habit of vaguely promising themselves that they will look into that outstanding little matter and see what can be done for Drizzle – who was not well used – when Jarndyce and Jarndyce shall be got out of the office. Shirking and sharking in all their many varieties have been sown broadcast by the ill-fated cause; and even those who have contemplated its history from the outermost circle of such evil have been increasingly tempted into a loose way of letting bad things alone...*» [Dickens 2018: 14] / «**Чизл, Мизли как их там зовут? – привыкли давать себе туманные обещания разобраться в таком-то затянувшемся дельце и посмотреть, нельзя ли чем-нибудь помочь Дризлу, – с которым так плохо обошлись, – но не раньше, чем их контора развяжется с делом Джарндисов. Повсюду рассеяло это злополучное дело семена жульничества и жадности всех видов, и даже те люди, которые наблюдали за развитием тяжбы, находясь за пределами ее порочного круга, сами того не заметив, поддались искушению беспринципно махнуть рукой на все дурное вообще...**» [Диккенс 1960: 16–17].

«*Shirking and sharking*» / «жульничество и жадность» становятся парной аллитерацией слов «*slipping and sliding*» / «споткнуться и поскользнуться» в предыдущем контексте. Такой прием сквозной аллитерации, задействующий эхо-память реципиента, является приемом, функционирующим в рамках ризома-модели событийной наррации, которой (наррации) свойственны «разрывы» и новые сцепления. Коллективный образ юриста в лице Чизла-Мизла, «или как их там зовут?», воплощает в себе идею формирования антигуманного правового сообщества, действующего исключительно в личных, корыстных интересах. Влияние правовой сферы на социальную жизнь общества транслируется в данном фрагменте с точки зрения ее пагубного влияния на внутренний мир человека – постулируется вероятность стать слабым, равнодушным, беспринципным.

Рассмотренные выше нарративные события описывают единое макро-событие – кризис в Канцлерском суде Англии в середине XIX века. Событийный ряд романа представляет собой сложноорганизованную систему нарративных событий, изображенных в произведении с целью углубления знания об от-

рицательных чертах правовой системы и политического мироустройства страны в указанный период, а также их пагубного влияния на социальные условия жизни людей. Взаимодействие двух дискурсов сквозь призму текста прослеживается на фоне сосуществования в тексте широкого спектра приемов и средств художественной выразительности, обращенных одновременно к двум дискурсам. На текстовом уровне значимыми для описания событийного ряда становятся рамочные конструкции, эмоциональный синтаксис (графический уровень текста); риторические вопросы и восклицания, позиционное распределение смысловых доминант (структурно-синтаксический уровень текста); параномазия, сквозная аллитерация (фонетический уровень текста). На лексико-семантическом и когнитивном уровнях восприятия текста семантический конфликт, каламбур, языковая игра, метафора и сравнение, палимпсест, символ и некоторые др. средства выразительности способствуют созданию мультипликативного эффекта, отражающего продуктивное взаимодействие двух дискурсов.

5. Заключение

В произведении с юридически значимой сюжетной линией писатель повествует о глубокомысленном, сложном, философском понятии человеческого горя, причинами которого в середине XIX в. стали запутанные и казуистичные нормы правотворчества, отсутствие реформ в судебной системе, произвол судебных чиновников, коррупция, взяточничество и др. [Арчер 1959: 52–53; Уолкер 1980: 67–68, 99]. Детальное описание быта, трагических судеб героев, неисполненных желаний и утраченных надежд дано в произведении на фоне единого глобального события – кризиса в Канцлерском суде, представленного в романе в виде цепочки взаимосвязанных нарративных событий.

Повествование в тексте, функционирующем в интердискурсе на стыке права и художественного творчества, нелинейно, открыто; оно подвержено различным дискурсивным трансформациям. Непредсказуемость пересечения сюжетных линий создает клиповый строй наррации, способствует созданию эффекта неожиданности, появлению нарративной интриги, отражая сущность динамически развивающегося пространства интердискурса.

Смоделированная в рамках данного исследования концепция, главным элементом которой является ризома-модель событийной наррации, позволяет выявить новое знание о функционировании различных социальных институтов – судебная система, политическая система, литературное творчество как феномен словесного социально значимого вида искусства – в их взаимосвязи, движении и непрерывном развитии. Диалог автора и читателя в романе строится за счет продуктивного взаимодействия двух типов мышления – творческого и правового. Результатом когнитивных процессов, спровоцированных литературным произведением, призванным описать «злобу» дня в правовой сфере, становится сближение художественной и правовой картин мира в сознании реципиента.

Специфика функционирования и взаимодействия различных событий в тексте романа, демонстрирующего нетривиальное ветвление смысла между задействованными областями знания, отражена в категории дискурсивной событийности. Данная категория аккумулирует знание о значимых поворотных событиях в правовой и политической жизни общества в Англии в середине XIX века, имеющих социальную значимость, которые воссоздаются в романе посредством аксиологически заряженных прототипических образов соответствующих исторических реалий, персоналий, артефактов.

Типология дискурсивной событийности (событие-эмблема, событие-узел, событие-ретроспектива, событие-интерференция, событие-кумуляция) позволяет описать одно макро-событие с разных точек зрения. Грязь улиц Лондона, вездесущий туман становятся знаками-символами работы представителей судебной власти на всех этапах судопроизводства. Сбежавшим с затонувшего корабля под названием «страна» судьям удается спастись, в то время, когда их корабль (государство) идет на дно. Обличение коррупционной и продажной «системы» сопровождается ранжированием участвующих в судебных тяжбах с точки зрения преследуемых ими целей – добиться справедливости или обогатиться. Затянувшиеся судебные процессы безжалостно вовлекают в тяжбы детей и пожилых людей. Многочисленные выразительные средства способствуют

созданию особого психологизма и драматизма романа, в котором Ч. Диккенсом из мозаичных событий виртуозно выстроена «архитектоника темы злодеяния» (В. В. Набоков).

Ч. Диккенс в романе выступает в роли «человека говорящего», выполняющего свою морально-нравственную и идеологическую функции. Созданное писателем-правоведем художественное произведение уникально в нескольких ракурсах. Во-первых, художественный дискурс, акцептирующий правовую тематику, способен проникать в различные глубинные слои общества, мобилизуя все силы в борьбе со злом. Во-вторых, взятый из правовой сферы матери-

ал для создания литературного наследия, совершив цикл работы в социуме, трансформирует правовую сферу, вызывая ряд необходимых событий – реформ, в частности издание Парламентских актов 1870-х гг., последовавших после выхода в свет романа «Холодный дом».

Романная проза, таким образом, способна служить двум целям – решению остросоциальных проблем общества на глобальном социальном уровне и соположению знаний из разных концептуальных областей для формирования единого художественно-правового «кругозора» на локальном уровне (в сознании отдельного человека).

Литература

- Архипов, И. К. Язык и языковая личность : учеб. пособие / И. К. Архипов. – СПб. : Книжный дом, 2008. – 248 с.
- Арчер, П. Английская судебная система / П. Арчер. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – 268 с.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
- Бремон, К. Логика повествовательных возможностей / К. Бремон // Семиотика и искусствометрия. – М. : Мир, 1972. – С. 108–135.
- Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. – СПб. : Научное издательство «Лань», 2020. – 464 с.
- Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Париж, 1976. – 35 с.
- Дзюба, Е. В. Трансфер юридического знания в нарративное пространство художественного произведения / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 297–317.
- Дзюба, Е. В. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 69–98.
- Дзюба, Е. В. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 433–454.
- Диккенс, Ч. Собрание сочинений : в 30 томах. Том 17 : Холодный дом : Главы I–XXX / Ч. Диккенс. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 564 с.
- Дьяков, А. В. Жиль Делез. Философия различия / А. В. Дьяков. – СПб. : Алетейя, 2012. – 504 с.
- Женетт, Ж. Фигуры : в 2-х т. Том 1–2 / Ж. Женетт. – М., 1998. – С. 944.
- Заврумов, З. А. Импликационал художественного текста: языковая игра в ироническом модусе / З. А. Заврумов // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 150–154.
- Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук в форме научн. докл. / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
- Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. – 702 с.
- Маслов, Е. В. Что такое нарратив? / Е. В. Маслов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 115 с.
- Мещеринов, П. Гендель как музыкант и человек. Лекция Игумена Петра (Мещеринова) / П. Гендель. – URL: <https://www.pravmir.ru/gendel-muzykant-i-chelovek>. – Текст : электронный.
- Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. – М. : Независимая Газета, 1998. – 512 с.
- Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенности реализации интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук / Олизько Н. С. – Челябинск, 2009. – 343 с.
- Петрова, Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте : дис. ... д-ра филол. наук / Петрова Н. Ю. – М., 2017. – 528 с.
- Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
- Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М., 1976. – 325 с.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2020. – 464 с.
- Руднев, В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 428 с.
- Севастьянова, А. Л. Прагмалингвистический анализ ценностно-событийного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Севастьянова А. Л. – СПб., 2018. – 202 с.
- Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; пред. Ю. С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999.

- Синельникова, Л. Н. Ризома и дискурс интермедальности / Л. Н. Синельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 805–821.
- Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии / В. И. Тюпа. – СПб. : Алетейя, 2021. – 270 с.
- Уолкер, Р. Английская судебная система / Р. Уолкер. – М. : Юридическая литература, 1980. – 631 с.
- Филиппс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филиппс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
- Хун, Л. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы / Лю Хун // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 31–41.
- Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 106–111.
- Шабес, В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М., 1989. – 175 с.
- Шехтман, Н. А. От повествования к гипертексту и нарративу : монография / Н. А. Шехтман. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 147 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.
- Щербина, А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). – Киев : Изд-во академии наук украинской ССР, 1958. – 68 с.
- ABBYY Lingvo 6. Выпуск: 16.1.3.49. – Аби продакшн, 2014.
- Dickens, C. Bleak House I / C. Dickens. – М. : T8RUGRAM / Original, 2018. – 812 p.
- Fairclough, N. Critical discourse analysis. The critical study of language / N. Fairclough. – London and New York : Routledge Taylor and Francis group, 2013. – 604 p.
- Hoad, T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / T. F. Hoad. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 552 p.

References

- ABBYY Lingvo 6. Edition: 16.1.3.49. (2014). Abi prodakshn.
- Archer, P. (1959). *Angliiskaya sudebnaya sistema* [English Judicial System]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 268 p.
- Arhipov, I. K. (2008). *Yazyk i yazykovaya lichnost'* [Language and Linguistic Personality]. Saint Petersburg, Knizhnyi dom. 248 p.
- Bakhtin, M. M. (2012). *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Vol. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 880 p.
- Bremon, K. (1972). Logika povestvovatel'nykh vozmozhnostei [Logics of Narrative Capacities]. In *Semiotika i iskusstvometriya*. Moscow, Mir, pp. 108–135.
- Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Contrastive Political Metaphorology]. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii. 464 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2004). Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoi otkrytosti [Intertext and Interdiscourse as Realization of Textual Openness]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 1 (001), pp. 106–111.
- Deleuze, G., Guattari, F. (1976). *Rizoma* [Rhizome]. Paris. 35 p.
- Dickens, Ch. (1960). *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Collection of Works, in 30 vols.]. Vol. 17: Kholodnyi dom: Glavy I–XXX. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 564 p.
- Dickens, Ch. (2018). *Bleak House I*. Moscow, T8RUGRAM / Original. 812 p.
- Dyakov, A. V. (2012). *Zhil' Delez. Filosofiya razlichiya* [Gil Deleuze. Philosophy of Difference]. Saint Petersburg, Ale-teiya. 504 p.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2021). Transfer yuridicheskogo znaniya v narrativnoe prostranstvo khudozhestvennogo proizvedeniya [Transfer of Legal Knowledge into the Narrative Space of a Literary Text]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23. No. 4, pp. 297–317.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Formal'no-soderzhatel'naya organizatsiya gibridnogo khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Formal and Informative Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 13. No. 2, pp. 433–454.
- Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Kategoriya situativnosti v narrativnoi modeli khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Category of Situateness in Narrative Model of Literary-Legal Discourse]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. No. 5, pp. 69–98.
- Fairclough, N. (2013). *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London and New York, Routledge Taylor and Francis group. 604 p.
- Genette, J. (1998). *Figury: v 2-kh t.* [Figures, in 2 vols.]. Vol. 1–2. Moscow, p. 944.
- Hoad, T. F. (1996). *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, Oxford University Press. 552 p.
- Hong, L. (2017). Osobennosti realizatsii politicheskogo diskursa v khudozhestvennom tekste: k postanovke problemy [Peculiarities of Realization of Political Discourse in a Literary Text: To the Statement of the Problem]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3 (63), pp. 31–41.
- Kibrik, A. A. (2003). *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Analysis of Discourse in the Cognitive Perspective]. Dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauchn. dokl. Moscow. 90 p.
- Lotman, Yu. M. (1998). *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 702 p.
- Maslov, E. V. (2020). *Chto takoe narrativ?* [What is Narrative?]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 115 p.
- Meshcherinov, P. *Gendel' kak muzykant i chelovek. Lektsiya Igumena Petra (Meshcherinova)* [Gendel as a Musician and a Person. Lecture by Father Superior Petr]. URL: <https://shshshshh.ppravmir.ru/gendel-muzykant-i-chelovek>.

- Nabokov, V. V. (1998). *Lektsii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Foreign Literature]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta. 512 p.
- Olizko, N. S. (2009). *Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennosti realizatsii intertekstual'nosti i interdiskursivnosti v postmodernistskom khudozhestvennom diskurse* [Semiotic-Synergetic Interpretation of Specific Characteristics of Realization of Intertextuality and Interdiscursivity in post-modern literary discourse]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Chelyabinsk. 343 p.
- Petrova, N. Yu. (2017). *Printsipy i strategii perspektivizatsii v dramaticheskom tekste* [Principles and Strategies of Perspectivization in a Dramatic Text]. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 528 p.
- Philips, L. J. (2004). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr. 336 p.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of a Text]. Voronezh, Izdatel'stvo «Istoki». 250 p.
- Propp, V. Ya. (1976). *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow. 325 p.
- Repina, L. P. (Ed.). (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [Past for Present: History-memory and Narratives of National Identity]. Moscow, Akvilon. 464 p.
- Rudnev, V. P. (2000). *Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality]. Moscow, Agraf. 428 p.
- Serio, P. (1999). *Kak chitayut teksty vo Frantsii* [How Texts Are Read in France]. In Serio, P. (Ed.). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Moscow, OAO IG «Progress». 202 p.
- Sevastianova, A. L. (2018). *Pragmalingvisticheskii analiz tsennostno-sobyitiinogo diskursa* [Pragmatic-Linguistic Analysis of Axiological-eventful Discourse]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 202 p.
- Shabes, V. Ya. (1989). *Sobytie i tekst* [Event and Text]. Moscow. 175 p.
- Shcherbina, A. A. (1958). *Sushchnost' i iskusstvo slovesnoi ostroty (kalamtura)* [Essence and Art of Word Witticism (Pun)]. Kiev, Izdatel'stvo akademii nauk ukrainskoi SSR. 68 p.
- Shekhtman, N. A. (2014). *Ot povestvovaniya k gipertekstu i narrativu* [From Narration to Hypertext and Narrative]. Orenburg, Izdatel'stvo OGPU. 147 p.
- Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 311 p.
- Sinelnikova, L. N. (2017). *Rizoma i diskurs intermedial'nosti* [Rhizome in the Discourse of Intermediality]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. Vol. 21. No. 4, pp. 805–821.
- Tyupa, V. I. (2021). *Gorizonty istoricheskoi narratologii* [Horizons of Historic Narratology]. Saint Petersburg, Aleteiya. 270 p.
- Walker, R. (1980). *Angliiskaya sudebnaya sistema* [English Judicial System]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 631 p.
- Zavrumov, Z. A. (2015). *Implikatsional khudozhestvennogo teksta: yazykovaya igra v ironicheskom moduse* [Implicational of a Literary Text: Language Game in an Ironic Mode]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 4 (56), pp. 150–154.

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

E-mail: ev_dziuba@uspu.me

Рябова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, к. 304.

E-mail: i.y.rjabova_3012@mail.ru

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Graduate School of International Relations of Institute for the Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia).

Rjabova Irina Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 31.07.2022; дата публикации: 31.10.2022

Date of receipt: 31.07.2022; date of publication: 31.10.2022